

**К 75-летию
исторического факультета БГУ**

**ТРИ ИСТОЧНИКА О ТРЕХ ИСТОРИКАХ
В ТРЕХ ПЕРИОДАХ ОДНОЙ ЭПОХИ:
В. И. ПИЧЕТА, В. Н. ПЕРЦЕВ, Л. М. ШНЕЕРСОН**

В источниковедении особое место отведено «источникам личного происхождения», к которым относят «дневники, частную переписку (эпистолярные источники), мемуары-автобиографии, мемуары — “современные истории”, эссеистику, исповеди» [1, с. 466]. В публикуемых материалах авторы-составители усмотрели единый явный и скрытый контекст, который, по их мнению, объединил трех выдающихся белорусских историков. Да, именно белорусских, хотя и В. И. Пичета, и В. Н. Перцев, и Л. М. Шнеерсон родились и сформировались как историки в России. Но их научное творчество в основе своей и протекало в Беларуси, и было посвящено белорусской истории, и было востребовано Беларусью. Уже в этом они едины. Но они разные, так как апогей научной и научно-административной деятельности историков пришелся на три несхожих, но знаковых для Беларуси периода одной — советской — эпохи. Как раз в этом они едины. В. И. Пичета в 1920-е гг. вошел в белорусскую историю как первый ректор первого белорусского университета, как организатор системных и всесторонних научных исследований белорусского прошлого. В. Н. Перцев был одним из первых белорусских университетских профессоров и ученых-академиков, с его именем ассоциируется путь развития белорусской исторической науки 1930—1950-х гг. Л. М. Шнеерсон не стал академиком, но его педагогический авторитет и имя в науке для всех, кто его знал и кто у него учился, несомненно академического уровня. Он — одна из ярких личностей, олицетворяющих белорусскую историю 1940—1980-х гг.

В данной публикации за основу взят, прежде всего, характер приводимых документов. На первый взгляд он разный. Казалось бы, что может объединять рассуждения ученого-историка (В. И. Пичета), положенные на бумагу по принуждению в условиях тюремного заключения, когда каждое слово могло жестоко отразиться и на судьбе самого автора, и всех тех, кто упоминался в контексте этих рассуждений, с письмом-автобиографией, исполненным в спокойной семейной атмосфере, вдали от бурных процессов «суверенизации» 1990-х гг. — «во всех отношениях прекрасной», но все же чужой стране (Л. М. Шнеерсон). А тем более с сухими строками научных и депутатских отчетов (В. Н. Перцев). Однако мы целиком убеждены, что приводимые документы в первую очередь отражают личности их авторов, не только их оценку прожитого и сделанного, но и некий внутренний эмоциональный фон. Не подвергая их конкретному источниковедческому разбору, можно только указать на одну характерную составляющую, которая объединяет приводимые материалы. Это очевидная «исповедальность» текста, попытка авторов рассмотреть себя в контексте прожитого времени. Поэтому условно тексты можно рассматривать под углом зрения некой определенно не открытой, а даже очень скрытой исповеди творческих людей — историков, оказавшихся одними из первых «реализаторов» властных установок в области образования, науки, идеологии.

Сами тексты были написаны совершенно в разных условиях и в разное время. И смысл, и побудительные начала к их написанию были абсолютно отличные. Но они едины своей внутренней напряженностью, привычкой, так свойственной неординарным историкам, писать между строк... Писать, полагая, что «рукописи не горят», и рано или поздно они станут

доступными заинтересованному читателю. Как те, что в огромных количествах были прочитаны и восприняты самими историками за долгие годы их научных бдений в архивах и библиотеках.

Вопрос о том, как пройти между «Сциллой и Харибдой», между жесткими и однозначными требованиями сверху и научной объективностью, всегда стоял перед ними со всей определенностью. И не всегда ответ мог быть в пользу науки истории и своих творческих планов. Вот почему В. И. Пичета то ставил задачу написать «научную книгу» о Беларуси, то вдруг пугался «полонофильского» характера Академической конференции по реформе белорусского правописания и азбуки, хотя сам уже в те годы слыл видным историком-полонистом и имел постоянные творческие контакты с польскими коллегами. А В. Н. Перцев был вынужден «метаться» между любимой германистикой и «актуальными» проблемами не только белорусской истории и организации самостоятельной учебной работы студентов-историков, но и посевных кампаний в Березинском районе, его кинофикации и т. д., занимаясь всем этим в силу своей научной компетентности, звания академика и почти незапятнанной политической репутации. Для Л. М. Шнеерсона же «конъюктурность» в избрании новой темы кандидатской диссертации в суровое военное время, видимо, стала уроком на последующие годы, когда он прервал свою столь стремительно набиравшую обороты карьеру высокопоставленного чиновника от высшего образования (был не только проректором БГУ, но даже некоторое время исполнял обязанности его ректора). Он стал высококлассным ученым, лектором-педагогом, душой исторического факультета университета.

Эта публикация была задумана и для того, чтобы еще раз подчеркнуть очевидный факт исторически сложившегося единства белорусских университетских и академических историков. Все мы вышли из творческой «шинели» этих двух авторитетных научных центров. И символично, что в октябре 2009 г. исторический факультет БГУ и Институт истории НАН Беларуси отмечают свои замечательные юбилеи.

В. В. Яновская, О. А. Яновский

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ПИЧЕТА

Роль В. И. Пичеты в становлении белорусской высшей школы и исторической науки, без преувеличения, огромна. В силу объективных причин и счастливого стечения обстоятельств он оказался в эпицентре политических процессов, захлестнувших Беларусь в первые послереволюционные годы. Российский историк стал одним из целеустремленных проводников белорусизации, осуществляя ее продуманно и последовательно. Однако из-за своей глубокой интеллигентности он не смог уловить «ветры перемен» в политике центральной и местной власти. И был ею отброшен на обочину как «отработанный материал», как сделавший свое дело представитель «старой профессуры». В назидание другим его карьера хотя и не была до конца прервана, но низведена до уровня безропотного исполнителя указаний.

Публикуемые документы — продолжение собственноручных записей-показаний Владимира Ивановича, сделанных им во время заключения в Ленинградской тюрьме, куда он попал осенью 1930 г., проходя по известному «делу Платонова». Предыдущие две публикации этих записей были осуществлены в «Беларускім гістарычным часопісе» (2001, № 4) и ежегоднике «Российские и славянские исследования» (Вып. 2. Минск, 2007). В данном случае представлены два документа — выдержки их двух показаний историка, данных им следователю ОГПУ, которые объединяет очевидное стремление углубленно проанализировать процесс развертывания белорусизации: в университете и в Беларуси в целом. Однако заметно, что полмесяца заточения и непрекращающегося физического и морального давле-

ния на бывшего ректора сделали свое дело. Суждения и оценки, высказываемые Владимиром Ивановичем о подготовке и проведении Академической конференции по реформе белорусского правописания и азбуки, значительно более резкие и негативные, нежели в рассказе о своих первых годах работы в Минске. Этот «негатив» был следствием запоздального осознания ученым изменившегося отношения высоких инстанций к когда-то (на X съезде КП(б)Б) «станоўчым і дзелавым, і з агульнапартыйнага боку важнаму ўкладу ў развіццё беларускай нацыянальнай культуры» оценкам итогов этой конференции [2, с. 9].

Можно считать удачей для данной публикации, что она дополняется крайне интересными материалами о В. И. Пичете, любезно предоставленными московским историком Л. И. Уткиной. Также логичное сопровождение этих двух документов и в статье Е. В. Барановой, недавно защитившей кандидатскую диссертацию именно о «белорусском периоде» жизни и деятельности В. И. Пичеты. Стиль и орфография документов максимально сохранены.

Из протокола допроса В. И. Пичеты в ОГПУ 26 сентября 1930 г.

Гор. Ленинград, 26 сентября 1930 г. Протокол №__ допроса, произведенного в ПП ОГПУ в ЛВО Зам. Нач. СОУ — Жупахиным по делу №__

«Будучи предупрежден об ответственности за дачу ложных показаний, по сути дела показываю: В ответ на предложение тов. зам. нач. СОУ тов. Жупахина сообщить известные мне факты о деятельности нелегальных белорусских национальных организаций, а также о деятельности отдельных их членов, сообщаю нижеследующее:

МОЕ ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С БЕЛОРУССКИМИ ДЕЯТЕЛЯМИ

Не будучи белорусом, я не был знаком с ними до 1921 г. Впервые столкнулся в Москве, когда после заключения Рижского мира была открыта комиссия по подготовке открытия Университета в Минске, куда я был приглашен в качестве члена комиссии зам. наркомпроса БССР тов. М. Я. ФРУМКИНОЙ и завед. Главпрофбром РСФСР тов. О. Ю. ШМИДТ. В Комиссии принимали также участие петербургский работник З. С. ГРИНБЕРГ — партиец. Как-то раз приехал в Москву НЕКРАШЕВИЧ и от имени Наркомпроса предложил написать мне книгу листов в 20 по истории Белоруссии. Делая мне это предложение, НЕКРАШЕВИЧ просил меня написать так историю Белоруссии, чтобы в книге чувствовалась любовь к родине. На это я ответил, что я не беллетрист и писать таким образом книги не буду. Если я ее напишу, то так, как я могу, как я понимаю научную книгу.

МОЯ ПОЕЗДКА В МИНСК в конце декабря 1920 г.

По предложению Наркомпроса РСФСР была организована поездка в Минск для обсуждения на месте вопроса об открытии Университета. В этой поездке участвовали: профессора БОРЗОВ, БЕРКЕНГЕЙМ, ТУРУК, КАЛАНТАР, МИНОР, КРОЛЬ и я. Во время трехдневного пребывания в Минске мне удалось уже отметить в Белоруссии (в Минске) наличие двух течений: московского — антибелорусского и белорусского, причем центром, где велась эта борьба, был Педагогич. Ин-т, о чем мне говорил МАСЛОКОВЕЦ, одно время директор этого ин-та, удаленный из Минска за антибелорусское настроение, был против белорусизации. Тогда многих белорусов, будущих национал-демократов, еще не было в Минске. Они оставались за пределами БССР — кто в Одессе, кто в Киеве, кто в Крыму. Тогда же был выброшен лозунг о необходимости собрания в одном месте всех белорусов. Об этом мне говорил НЕКРАШЕВИЧ и настаивал на необходимости приглашения их в университет, с тем чтобы сразу придать новому университету определенный белорусский характер. НЕКРАШЕВИЧЕМ назывались также имена, которые, по его мнению, должны были быть привлечены к профессорской деятельности, а именно: ЗАЙЦЕВ — хирург из Москвы, ЗАЙЦЕВ — математик из Нижнего, ЧЕПАЛКОВСКИЙ — окулист из Краснодара, ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ — историк из Баку. Разумеется, пока это были только одни разговоры, ибо вопрос об универси-

тете еще не был решен. Однако необходимо отметить, что уже в это время был выброшен лозунг концентрации всех белорусских сил и возвращение на родину как старых белорусских деятелей, так и ученых специалистов <...>

БЕЛОРУСИЗАЦИЯ УНИВЕРСИТЕТА

Раз партия и правительство стали на путь национальной политики, то вполне естественно, что она в первую очередь должна была отразиться на университете. Целый ряд предметов был переведен на белорусский язык. Целый ряд белорусов были приглашены в качестве доцентов, профессоров, ассистентов и ординаторов. В состав Правления и деканата были введены белорусы, но московской ориентации, что вызывало известное недовольство со стороны белорусов. Политика белорусизации дала довольно значительные результаты, но она казалась национал-демократам очень медленной. Необходимо отметить наличие великодержавных традиций среди профессуры и нежелание отдельных лиц перейти на белорусский язык. Я сам смог перейти на белорусский язык, сначала плохой, только в 1925 г. и сделал это первым из всех профессоров небелорусов. Тем не менее в Советской Белоруссии травили университет, травили факультет права и хозяйства и его декана. Белорусизация в университете была представлена неправильно, но зато белорусы добились своего, была организована ревизия национальной комиссии, в состав которой входил тов. ЛЫСОВ, родственник НЕКРАШЕВИЧА. Национальная комиссия поставила доклад ректора университета, и после обсуждения последнего была составлена резолюция в общем благоприятная для университета. Получились не те результаты, которых ожидали нац. демократы. Эта резолюция была подтверждена и президиумом ЦК, где состоялся мой доклад как ректора. В заседании президиума тов. ВАСИЛЕВИЧЕМ подчеркивалась малочисленность белорусского элемента на медфакультете и факультете права и хозяйства. Наркомзем ПРИЩЕПОВ находил, что сделано очень мало» <...> [3, л. 119—120, 126—126 об.].

Из протокола допроса В. И. Пичеты в ОГПУ 11 октября 1930 г.

Гор. Ленинград, 11 октября 1930 г. Протокол №__ допроса, произведенного в ПП ОГПУ в ЛВО зам. нач. СОУ — Жупахиным по делу №__

«Будучи предупрежден об ответственности за дачу ложных показаний, показываю: в ответ на предложение зам. нач. СОУ тов. Жупахина сообщить известные мне сведения об Академической конференции, имевшей место в 1926 г. в Минске, сообщаю следующее:

В связи с объединением белорусских националистов вокруг ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКОГО и начавшегося оформления фактических нац.-демократических организаций, так называемых СВБ, необходимо было объединиться и уговориться с национал-демократами Западной Белоруссии и установить общую линию своей политики в целях сближения Белоруссии польской с советской. В этих целях был поднят вопрос о реформе правописания и введения однотипного письма как в Западной, так и в Восточной Белоруссии, для чего был необходим созыв специалистов для всестороннего обсуждения этого вопроса. Общая политика Советской Белоруссии в отношении Западной Белоруссии содействовала тому, что партийно-правительственные организации пошли на это, имея особенно цель заполучить в Минск виленских белорусов во главе с ТАРАШКЕВИЧЕМ, как главой белорусских народных масс, ориентировавшихся на Советскую Белоруссию. Для придания ученого веса Академической конференции были приглашены специалисты из Германии, Чехословакии, Латвии, Литвы, РСФСР и УССР. Все списки были профильтрованы партийными органами, которые в конце концов остановились на небольшой группе намеченных лиц, проезд которых был особенно желателен. Однако предложенный состав конференции в действительности оказался не тов. ТАРАШКЕВИЧ и его группа, по соображениям политического характера, не получили паспортов от польского правительства, не получили паспортов и делегаты Западной Украи-

ны (Галиции). На конференцию прибыли из Германии — ФАСМЕР, проф. Берлинского университета, ранее Саратовского, брат хранителя одной из коллекций Эрмитажа, из Литвы приехал ректор Ковенского университета — проф. БРЖИШКО и ЛАСТОВСКИЙ, из Латвии — проф. БЕРГ и белорусы — ЕЗОВИТОВ с ГОЛОВИНСКИМ, от РСФСР — РАСТОРГУЕВ, от УССР — какой-то молодой украинец с резко выраженными национал-демократическими шовинистическими устремлениями.

Если считать, что присутствие ФАСМЕРА как крупного лингвиста не специалиста в области белорусского языка было необходимо для придания Академической конференции учебного веса, и что проф. БЕРГ, впоследствии оказавшийся фашистом, занимался германской лингвистикой, что проф. БРЖИШКО был специалистом по литовской литературе, а РАСТОРГУЕВ был специалистом в области белорусоведения, но не имел ничего общего с нац.-демократической лингвистикой, то оказалось, что конференция была созвана, чтобы повидать ЛАСТОВСКОГО, известного своим советофобством, и ЕЗОВИТОВА с ГОЛОВИНСКИМ, желавшими получить материальную помощь от БССР для культурных надобностей и целей латвийских белорусов.

Получилось не то, чего хотели партийные и правительственные сферы от Конференции. Приехавшие гости-белорусы усилили фронт белорусских лингвистов во главе с ЛЕСИКОМ, за исключением ВОЛК-ЛЕВАНОВИЧА, принадлежавших к нац.-демократической организации. Ничего нет удивительного в том, что вся постановка вопроса о реформе правописания была национал-демократической, к которой, по выражению ФАСМЕРА, наука и близко не подходила. Стремление под видом упрощения правописания ввести в белорусское правописание особые значки, принятые в чешском и польском правописании, а также получившие общее одобрение мнения о переводе всего белорусского письма на латинский алфавит, ясно говорило об антисоветских тенденциях конференции и свидетельствовало о действительном настроении белорусских лингвистов, к которым присоединился и командированный молодой украинский лингвист.

Проводимая проф. БУЗУКОМ теория самостоятельного происхождения и развития белорусского языка служила как бы фундаментом национал-демократической реформы правописания, против чего выступали ФАСМЕР и ВОЛК-ЛЕВАНОВИЧ. Политические тенденции Академической конференции полонофильского характера, бросаясь каждому в глаза, вызвали естественную тревогу в парт. органах, неразумно давших свое согласие на конференцию, о чем пришлось жалеть, когда было поздно, и Академическая конференция уже сделала свое дело. Она объединила на едином антисоветском фронте белорусских деятелей 1905 г. и положила начало СВБ. Украшение залы клуба К. Маркса белорусскими национальными портретами и снятие портретов К. Маркса и Ленина, а также речи ЛАСТОВСКОГО и ЦВИКЕВИЧА, произнесенные в театре перед началом белорусского спектакля как в Минске, так и в Витебске, на котором, кстати, отсутствовали все руководящие лица, отчетливо говорило о национал-демократических устремлениях и приехавших минских белорусов. Во время конференции ЛАСТОВСКИЙ вел переговоры о приезде в БССР, что не мешало ему перед самым переездом в Минск в последнем номере издаваемого им «Кривича» выругать ту БССР, куда он собирался переезжать, очевидно, по соображениям политического характера, как посредник между западными белорусскими национал-демократами и восточными. Несмотря на то, что конференция имела явно антисоветский характер, все труды последней, вместе с прениями, были изданы и главлит не нашел в них ничего опасного. Труды конференции были скоро раскуплены и разошлись по местам, идеологически содействуя развитию в провинции антисоветских настроений. По моим сведениям, на Академическую конференцию было истрчено 20 000 руб. золотом, что является уже актом вредительского характера.

Продиктовано мною лично и проверено: Подпись» [3, л. 206—207 об.].

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ ПЕРЦЕВ

С именем В. Н. Перцева в БГУ связано не только становление исторического образования и науки, развитие исторического факультета, но и утверждение в Беларуси самой университетской среды и ее образа мышления. Он из тех, кого с полным правом можно назвать «отцеоснователь» БГУ! Он, в принципе, первым в университете стал читать курсы всеобщей истории, занимая кафедры на различных его факультетах (на педфаке — кафедру общей истории, а на факультете права и хозяйства, открытого в 1925 г., — кафедру истории народного хозяйства [4, с. 33, 36]. Владимир Николаевич являлся участником первых, «судьбоносных» для университета заседаний его Совета, принимавшего решения буквально по всем вопросам жизнедеятельности первенца высшей школы Беларуси [5, л. 2]. Его научная квалификация подтверждалась и тем, что уже в 1917 г. им были опубликованы работы по европейской истории XIX в. («Англия в XIX веке. Исторический очерк»; «Буржуазия и революция»; «Германия и Австрия в XIX веке»; «Италия в XIX веке»). В годы работы в БГУ и в АН БССР историк «прикипел» к проблематике белорусской истории, в которой его более всего интересовал XIX век. Он одним из первых стал заниматься сюжетами восстания 1863 г., ролью в нем К. Калиновского. Правда, позиция ученого по этому вопросу претерпевала изменения, видимо, соотносясь с современными политическими обстоятельствами и властными установками. Так, Владимир Николаевич вынужден был переходить от утверждения, что Калиновский «...одним из первых поднял знамя политической самостоятельности Белоруссии и защищал права белорусского народа на его собственную независимую государственность...», к «очищению образа Кастуся Калиновского от реакционных наслоений», когда стал опровергать «...приписывание ему (Калиновскому. — В. Я.) догматического лозунга отделения от России и образования независимой Белорусско-Литовской республики» [6, л. 28, 40].

Один из первых белорусских историков-академиков В. Н. Перцев был востребован и наукой, и образованием, и властью. И он сумел во многих случаях пройти «по лезвию бритвы», чтобы, сохранив авторитет значительного ученого, сохранить и свою жизнь. Приводимые выдержки из документов личного фонда историка позволяют углубить наши знания и представления о сложных 1950-х гг., соотнося общее с восприятиями и позицией конкретного ученого, интеллигента и «старой», и «новой» формации одновременно. О значимости исторического источника сам Владимир Николаевич лапидарно, но емко сказал, выступая на общем собрании отделения общественных наук АН БССР (19 декабря 1956 г.): «Первоисточники являются той фактической опорой исторических исследований, без которой невозможна правдивая, объективная историческая наука» [7, л. 96].

**Отчет о научной деятельности за пятилетие с 1951 г. по 1956 г.
академика Академии наук БССР В. Н. Перцева**

«1. Наиболее важной работой, в которой я принимал участие в качестве автора и редактора, является “История БССР” (Т. 1, 1954 г.) с древнейших времен до Февральской демократической революции 1917 года включительно. Появлению этой работы в печатном виде предшествовал длительный период подготовки, выразившийся в написании 2-х макетов и обсуждении многочисленных замечаний со стороны рецензентов и следующих лиц. Работа над этой монографией началась еще во время Великой Отечественной войны и продолжалась до выхода в свет означенной книги в 1954 году, причем я был членом всех сменявшихся за это время редакций по составлению означенной книги.

В качестве автора этой книги мной были написаны в основном главы “Формирование белорусской народности и ее культуры” (из 8 разделов главы мной написано 7 разделов) и главы “Восстание 1863 года в Белоруссии” (при некотором участии в ранней редакции главы Д. А. Дудкова).

2. Я был одним из редакторов тома III “Документов и материалов по истории Белоруссии”, 1953 год.

3. По заданию Института истории АН БССР я написал в многотомнике “Очерки истории СССР, XV — XVII вв.” раздел, касающийся реформационного движения и гуманистической культуры Белоруссии XVI — XVII вв. Книга вышла в свет в 1954 г.

4. По заданию отделения исторических наук АН СССР мной написаны в книге “История исторической науки в СССР” для томов I и II-го о развитии исторической науки в Белоруссии от X до начала XX в. Том I означенной книги, охватывающий время с древнейших времен до XIX века, вышел в 1955 г.

5. По заданию Института философии АН БССР я участвовал в составлении коллективной монографии “История философии СССР”. Вместе с другими работниками АН БССР я принял участие в составлении раздела по истории философии БССР XV—XVI вв. Первый том “Истории философии СССР” в 1955 г. вышел из печати.

6. В Академии наук я был руководителем проблемы “Происхождение и развитие белорусской народности и нации”. По этой проблеме разрабатывались 3 темы. Мной оказывалась авторам тем помощь в составлении планов-проспектов, давались указания и разъяснения по ряду научных вопросов. По главам, написанным кандидатами наук Гринблатом и Молчановой, мной были сделаны доклады в Институте истории и отделении.

7. На заседании в отделении общественных наук я сделал в 1953 г. доклад “Опыт работы над историей БССР”. Такой же доклад я сделал в Варшаве для преподавателей Варшавского государственного университета.

8. В 1954 г. я выступал в Институте славяноведения АН СССР с замечаниями по поводу книги “История Польши”.

9. За пятилетку мною подготовлены по АН БССР аспиранты: Копыцкий, Бондаренко, Алексютович (по БГУ — Чепко, работающая в настоящее время старшим научным сотрудником в Академии наук). Все указанные аспиранты защитили диссертации. Кроме того, в течение пятилетки я 12 раз выступал оппонентом по различным диссертациям.

10. В “Ученых записках Белорусского государственного университета” мною за пятилетку написаны статьи “Внутренний строй древней Пруссии” (3 печ. листа) и “Культура древней Пруссии” (2,5 печ. листа).

В настоящее время для очередного номера “Ученых Записок” мной подготовлена статья “Генезис древних пруссов”.

Подпись» [7, л. 47—48].

Тезисы к докладу В. Н. Перцева «Формы и методы самостоятельной работы студентов»

«1. Одной из главных задач обучения в высших учебных заведениях является пробуждение и развитие у студентов инициативы, творческого духа и способности к самостоятельному научному мышлению. В учебном процессе наших ВУЗов не должно быть ни одного звена, в котором в той или иной мере не осуществлялась бы активная работа студентов.

2. Как сказано в инструктивном письме Министерства высшего образования от 15 сентября 1956 г., “лекционная работа является главной, наиболее сложной, трудоемкой и ответственной”. Для этого необходимо, чтобы лекции не приводили к пассивному усвоению студентами сообщаемого преподавателями материала, а будили мысль студентов, возбуждали у них вопросы и толкали их к чтению дополнительной литературы. Чем выше качество преподавания, чем сознательнее студент относится к лекциям, тем больше содержится самостоятельности в процессе усвоения студентами лекции, и тем в большей степени лекция побуждает их к последующей творческой работе. При этом для того чтобы развивать в слушателях активное отношение к изучаемому материалу, чрезвычайно полезно знакомить студентов с

лабораторией работы по данному вопросу, с предварительной работой, которую произвели специалисты прежде, чем придти к окончательным выводам. Конечно, это возможно по отношению не ко всем лекциям, а главным образом по отношению к тем из них, в которых трактуются вопросы, близкие к более узкой специальности самого преподавателя.

3. Особенно широкие возможности для самостоятельной работы студентов открываются в тех звеньях учебного корпуса, которые более тесно связаны с привитием студентам навыков научно-исследовательской работы. Такого рода звеньями являются практические занятия по читаемому курсу, курсовые работы, семинарские занятия, дипломные работы и особенно доклады в научно-исследовательских кружках <...>

5. Одной из форм самостоятельной работы студентов являются курсовые работы <...> При составлении курсовых работ самостоятельность, предоставляемая студенту, несколько большая, чем при практических занятиях, а помощь преподавателя — несколько меньшая, так как его роль в основном заключается в указании литературы по теме, в периодических консультациях и затем разборе написанной работы. Для того чтобы курсовые работы не сводились к пассивному изложению прочитанной литературы, желательно, чтобы и в курсовых работах центр тяжести был перенесен на разбор источника и на рассмотрение его исторической значимости. Только при условии рассмотрения ограниченного количества источников и при прочтении ограниченного количества строго подобранных, небольших по объему пособий (иногда только одной или двух глав из какого-нибудь труда, относящихся по преимуществу к теме курсового сочинения) может проявиться доступная для студента самостоятельность в курсовой работе. Это, конечно, не исключает того, что в отдельных случаях особенно способные студенты под руководством преподавателя смогут и при составлении курсовой работы использовать большой объем пособий и более широкий круг источников» [8, с. 133—136].

Отчет о депутатской деятельности депутата Верховного Совета БССР по Березинскому избирательному округу В. Н. Перцева

«Моя деятельность как депутата Верховного Совета БССР за четырехлетие с февраля 1955 (отчеты за предшествующие сроки я несколько раз направлял в Верховный Совет БССР), выражалась в следующем:

Я поддерживал связь с местными (Березинскими) организациями и учреждениями в различных формах.

Во-первых, я три раза выезжал в центр моего избирательного округа — г/п. Березино и в окрестные села. На собраниях избирателей в разных местах я делал доклады, в которых информировал собравшихся о мероприятиях партии и правительства, направленных на улучшение жизни и быта населения. Во время приездов я вел беседы с руководителями местных партийных и советских организаций, а также и с отдельными гражданами об их нуждах и требованиях. Местные руководящие работники (1-й секретарь райкома тов. Лежепеков) выражали пожелание (особенно в мой последний приезд в сентябре 1958 г.) об обеспечении района большим количеством удобрений. Большая нужда чувствуется также в молотилках, силосорезках и других сельскохозяйственных машинах. Хотя Госплан БССР в письме ко мне еще от 10 октября 1956 г. (в ответ на мое письмо о помощи Березинскому р-ну) и сообщил мне, что “в целях отгрузки минеральных удобрений Березинскому р-ну Министерством сельского хозяйства принят ряд мер: направлены письма заводам-поставщикам, Главсельхозснабу Министерства сельского хозяйства и Министру сельского хозяйства СССР тов. Мацкевичу”, однако, по словам тов. Лежепекова, сказанным мне при личном свидании с ним в сентябре текущего 1958 г., вопрос об обеспечении Березинского района удобрениями далеко еще не решен. Что касается присылки в район сельскохозяйственных машин, то прежние машины пришли уже в негодность, списаны, и о присылке новых меня просили хлопотать через Сельхозснаб и Министерство сельского хозяйства.

Более удачным оказалось выполнение моих просьб и ходатайств местных учреждений по вопросам удовлетворения школьных, просветительных и культурных нужд населения. Особенно большая потребность, как выяснилось из переговоров на месте, из приездов ко мне в Минск некоторых местных школьных работников и из писем их ко мне, чувствовалась и чувствуется в постройке новых зданий для школ, клубов, детских домов, кинотеатров и в улучшении кинопередвижек. В этом отношении Министерство культуры, Министерство просвещения, ОБЛОНО и Областной отдел культуры проявили большую отзывчивость и пошли навстречу и моим ходатайствам, и ходатайствам местных учреждений. В Березино уже с осени 1956 г. было закончено строительство очень хорошей средней **русской** (выделено. — *авт.*) школы. <...>

<...> Во время моих посещений Березино, а также в результате устных и письменных заявлений со стороны местных учреждений и отдельных лиц выяснилось, что школы района нуждаются в лучшем материальном оборудовании (партах, шкафах, столах и пр.) и в пополнении библиотек. Особенно большая нужда чувствовалась и чувствуется в обеспечении школ инструментами, станками и пр. для проведения политехнизации. Некоторые школы собственными средствами добывают и даже изготавливают некоторые инструменты простейшего вида (топоры, буравчики, пилы, ножики и пр.). Но для сложного оборудования на местах не хватает средств. Нет возможности приобрести или изготовить машины, музыкальные инструменты, мало верстаков и станков. На одной из учительских конференций в г/п Березино, на которой я присутствовал, учителя жаловались, что ни республиканские органы культуры и просвещения, ни областные учреждения, ни шефы не принимают практических мер к действительной политехнизации школы. <...>

<...> Я участвовал в учительской конференции в сентябре 1958 г., собирал учителей г/п Березино и Погоста для чтения им докладов по вопросам о реформе средней школы (осень 1958 г.), для обсуждения некоторых идеологических вопросов, выдвинутых на XX съезде, для сообщения им, что делают научные учреждения Белоруссии в порядке подготовки к 40-летию образования БССР (также сентябрь 1958 г.). Тут же я выслушивал их замечания и вел с ними беседу. Несколько раз я делал доклады и для избирателей вообще (в Березино, Погосте): “О задачах нашего времени в связи с решениями XX съезда”, “Об улучшении работы на идеологическом фронте”, “О преодолении культа личности”.

Много просьб и ходатайств от местных учреждений поступило также ко мне и относительно кино. В настоящее время — к концу 1958 г. — положение с обслуживанием населения путем кинопостановок значительно улучшилось. <...>

<...> Всего частных ходатайств от избирателей ко мне со времени февраля 1955 г. поступило свыше 200. В начале этого срока преобладали жалобы на неправильное взимание налогов или просьбы помочь — по большей части от лиц преклонного возраста. Потом жалобы на неправильное взимание налогов — после известных постановлений правительства, касавшихся снижения или отмены некоторых видов налогового обложения — почти совершенно отпали. Уменьшились и просьбы о материальной помощи, очевидно, в связи с общим улучшением благосостояния населения. <...>

<...> Мой личный адрес и адрес учреждений, где я работаю (Академия наук БССР и Белорусский госуниверситет) в Березино и в других населенных пунктах избирательного округа, известны, и избиратели всегда могли меня найти. Ни одного случая отказа им в приеме не было.

Депутат Верховного Совета БССР от Березинского округа В. Перцев (эти слова написаны от руки черными чернилами. — *О. Я.*).

20 сентября 1958 г.» [9, л. 1—7].

ЛЕВ МИХАЙЛОВИЧ ШНЕЕРСОН

Авторы публикации считают себя учениками Л. М. Шнеерсона, так как в начале 1970-х гг. им посчастливилось прослушать все его курсы по новой истории и сдавать экзамены требовательному, но очень лояльному к студентам профессору. Более того, с этим теплым и обаятельным человеком, уже как со старшим коллегой, мы общались и тесно сотрудничали все годы, вплоть до отъезда Льва Михайловича за границу. В уже далеком ноябре 1998 г., когда он в последний раз в своей жизни посетил Минск, его приход на факультет как бы возвратил всех тех историков, кто его встречал в кабинете декана за чаем и кофе, в годы, прошедшие, когда тихий, но убедительный голос Льва Михайловича, завораживая и покоряя логикой и аргументацией, заставлял всех нас не только слушать, но и напряженно думать, следить за канвой его рассказа то ли о сюжетах его любимой германо-франко-российской истории, то ли, как это было в данном случае, за повествованием о спокойной его старости в далеком заокеанском Милуоки. Тогда-то и была обращена к нему просьба хотя бы кратко зафиксировать некоторые штрихи своей биографии — того историка Белорусского университета, с именем которого связано и становление, и развитие, и нынешний уровень профессионализма исторического факультета. Лев Михайлович пообещал, хотя вначале некоторое время пытался доказать, что вряд ли его биография будет так уж интересна кому-либо. Пытался он сослаться и на свое плохое самочувствие. Однако было видно, что просьба ему польстила.

Некоторое время спустя, уже после кончины профессора, его невестка Римма Станиславовна Зеневич принесла на факультет конверт с фотографиями из домашнего альбома семьи Льва Михайловича и небольшую рукопись (всего 8 страниц текста, отпечатанного по-старинке на пишущей машинке с весьма истертой лентой) с автобиографией-воспоминаниями, в том числе и о минском периоде его жизни. Почти половина повествования — рассказ о своей семье, многие члены которой перенесли все тяготы блокадного Ленинграда, но сохранили удивительную теплоту чувств, интеллигентность в отношениях не только между собой, но и со всеми окружающими. Об этом Лев Михайлович просто не мог не рассказать, прежде чем представить себя, свой путь в историческую науку и путь в науке и в БГУ. Вот этот рассказ (публикация полностью сохраняет стилистику и особенности этого теперь уже исторического документа, а исправлению подвергнуты лишь несколько технических опечаток).

Из автобиографии-воспоминаний Л. М. Шнеерсона

<...> «Теперь о себе.

Я родился в г. Челябинске 26 декабря 1910 г. В 1921 г. поступил в 1-ю советскую трудовую школу Петрограда (Разъезжая, 5) и в 1929 г. окончил ее. В школе вступил в комсомол. В 1929—1930 гг. работал заведующим учебным кабинетом в своей школе. В 1930 г. меня избрали депутатом райсовета Смольнинского района гор. Ленинграда (оставался им до 1934 г).

Осенью 1930 г. я стал студентом исторического факультета Ленинградского института истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ). Этот институт был образован на базе гуманитарных факультетов Ленинградского университета, изъятых из него реформой университетского образования в конце 20-х гг. Одновременно я начал преподавать историю на вечернем рабфаке учебного комбината Гражданского воздушного флота.

По окончании института, в 1934 г., меня оставили в аспирантуре при кафедре новой истории. Моим первым научным руководителем был академик Евгений Викторович Тарле, но в 1935 г. он вынужден был покинуть Ленинград в связи с переездом АН СССР в Москву. Моим новым руководителем стал профессор Александр Иванович Молок. Окончил я аспирантуру в 1937 г. уже в Ленинградском университете. Там в 1934 г. создали гуманитарные факультеты, и в 1936 г. ликвидировали ЛИФЛИ, слив его факультеты с соответствующими факультетами университета. Так на последнем году аспирантуры я стал аспирантом ЛГУ.

В период аспирантуры я читал лекционный курс по всеобщей истории студентам Ленинградской консерватории и (наездами) Новгородского учительского института.

В 1935 г. я познакомился со своей будущей женой, студенткой филологического факультета ЛИФЛИ, Бертой Бельговой. В этом же году мы поженились и 15 ноября 1936 г. у нас родился сын, Вадим. Бебочка (так звали ее в семье, так стал звать ее я) стала главной моей опорой в жизни, без ее влияния и поддержки я не смог бы сделать многого из того, что мне удалось сделать. Она часто брала на свои плечи решение трудных задач, которые возникали перед нами, перед нашей семьей. Много любви и сил вкладывала в воспитание наших детей и внуков, горячо откликаясь на их нужды. Я счастлив, что встретил ее в своей жизни. Родители жены меня приняли очень тепло и очень хорошо ко мне относились.

По окончании аспирантуры меня пригласили на работу в Минск, в Белорусский университет, в качестве доцента и заведующего кафедрой, хотя я и не успел завершить своей диссертации, так как из-за смены руководителей мне пришлось менять тему.

В Минск мы переехали в октябре 1937 г. На мою долю выпало чтение большого лекционного курса новой истории (240 часов), охватывающего все ее периоды. Задача осложнялась полным отсутствием современных учебников. Первый учебник, и только по первому периоду новой истории, был опубликован в 1939 г.

В августе 1938 г. меня приказом Наркома по просвещению БССР назначили проректором университета по учебной работе, хотя я и отказывался, ссылаясь на молодость и отсутствие опыта. В этой должности я оставался до начала войны, сохраняя полную учебную нагрузку. При всем этом мне удалось вчерне завершить диссертацию, она прошла обсуждение в кругу специалистов, но ее текст погиб во время бегства из Минска. С 1940 г. — член КПСС.

26 июня 1941 г. я с группой сотрудников университета, возглавляемой ректором (им был П. П. Савицкий. — *В. Я.*), ушел из Минска в направлении на Могилев. В пути наша группа распалась, и в Могилев я пришел лишь вдвоем с одним из преподавателей университета. Здесь я нашел жену с сыном, которая вышла из Минска раньше. Отсюда товарными составами мы добрались до г. Горького, где жил брат моего дедушки. Он приютил нас, через неделю мы перебрались в небольшой городок Бор на другом берегу Волги, где получили временную работу, а через пару месяцев направились в г. Нижний Тагил, куда ректор университета получил в Москве назначение директором Учительского института и предложил мне работу. В армию меня не взяли, так как в детстве и юности я перенес костный туберкулез локтевого сустава и туберкулез лимфатических желез.

В Нижнем Тагиле я работал зам. директора Учительского института по учебной работе с августа 1941 по август 1943 г. Жена тоже работала в институте в качестве преподавателя немецкого языка.

В августе 1943 г. телеграммой за подписью зам. председателя Совнаркома БССР я был вызван в Москву (куда еще раньше был вызван ректор) для участия в восстановлении БГУ в поселке Сходня, под Москвой. Сюда собралось некоторое количество бывших преподавателей и студентов университета, главным образом студенток, разных факультетов и курсов, был проведен небольшой набор на первые курсы и организован учебный процесс. Жили в дачных домиках, отапливались зимой “буржуйками”. Здесь у нас родился 21 декабря 1943 г. второй сын, которого мы назвали в честь моего брата Валентином.

Находясь близко к Москве, я возобновил работу над диссертацией, но снова изменив тему из конъюнктурных соображений. Моя погибшая диссертация была посвящена позиции России в германском вопросе в 1848—1850-х гг., когда Россия воспрепятствовала объединительным процессам в Германии, такая работа могла дать пищу фашистской пропаганде об исторической враждебности России германским интересам.

В октябре 1944 г. вместе с университетом мы возвратились в Минск, освобожденный от оккупантов. Я продолжил работу в качестве заведующего кафедрой новой и новейшей исто-

рии. В отдельные годы, по совместительству, читал лекционные курсы в Минском пединституте, в Гомельском университете и ряде других учебных заведений.

В 1946 г. я защитил кандидатскую диссертацию на новую тему, а в 1963 г. докторскую диссертацию и получил звание профессора. Помимо работы со студентами, в круг моих обязанностей входила и подготовка новых научных кадров, руководство аспирантами и т. н. соискателями. Некоторые из моих учеников стали докторами наук.

Моя научная деятельность сосредоточилась главным образом на исследовании проблем европейской политики второй половины 60-х — первой половины 70-х гг. XIX в. В рамках этой тематики мною были опубликованы в разные годы 4 монографии и значительное количество статей в различных, в том числе немецких, изданиях. Ряд современных российских и зарубежных историков, занимающихся близкой тематикой, ссылаются на мои работы. Мои работы рецензировались в советских исторических журналах и за рубежом: в ГДР, ФРГ, Венгрии, США.

За свою деятельность я был награжден орденом “Знак Почета”, различными медалями, почетными грамотами Верховного Совета БССР, грамотами Министерств высшего образования СССР и БССР. В 1980 г. мне было присвоено звание Заслуженного деятеля науки БССР.

В 1970 г. вышла на пенсию жена, оставив в кругу своих учеников и коллег самое прекрасное впечатление о себе как педагоге и человеке. Многие из ее учеников, при встрече в дальнейшем, выражали свое восхищение ее педагогическим талантом и человеческими качествами.

В 1988 г. я отказался от заведования кафедрой и перешел на должность профессора кафедры, а в 1994 г. мы с женой переехали в США, где в городе Милуоки уже с 1992 года жил и работал наш младший сын Валентин, со своей женой Верой Борисовной и маленькой пятилетней дочкой Асенькой. Побудительной причиной нашего переезда было, главным образом, стремление помочь сыну, у которого в США нет никого из родственников.

Здесь мы в роли пенсионеров. В качестве общественной работы читаю лекции на исторические темы в Русском клубе, используем возможность ознакомлений с этой во многих отношениях прекрасной страной» [10, л. 4—8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская и др. М.: Российск. гуманит. ун-т, 1998.
2. Беларусізацыя. 1920-я гады: дакументы і матэрыялы / У. К. Коршук, Р. П. Платонаў, І. Ф. Раманоўскі, Я. С. Фалей; пад агул. рэд. Р. П. Платонава і У. К. Коршука. Мінск: БДУ, 2001.
3. Архив Управления Федеральной Службы Безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Архивно-учетное дело № П-65245 (в 19 тт.). Т. 19.
4. Беларускі дзяржаўны універсітэт. Да 10-й гадавіны Кастрычнікавай рэвалюцыі. Менск, 1927.
5. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 205. Оп. 1. Д. 19.
6. Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси (ЦНА НАН РБ). Ф. 3 (Личный фонд академика АН БССР В. Н. Перцева). Оп. 1. Д. 21 — Статьи и др. работы акад. В. Н. Перцева по истории революционно-демократического движения в Беларуси в XIX в.
7. ЦНА НАН РБ. Ф. 3 (Личный фонд академика АН БССР В. Н. Перцева). Оп. 1. Д. 15 — Статьи, отчеты о научной деятельности академика В. Н. Перцева.
8. ЦНА НАН РБ. Ф. 3 (Личный фонд академика АН БССР В. Н. Перцева). Оп. 1. Д. 10 — Материалы по работе акад. В. Н. Перцева на кафедре истории средних веков в Белгосуниверситете.
9. ЦНА НАН РБ. Ф. 3 (Личный фонд академика АН БССР В. Н. Перцева). Оп. 1. Д. 12 — Материалы о деятельности академика В. Н. Перцева как депутата Верховного Совета БССР.
10. Письмо Л. М. Шнеерсона с воспоминаниями о работе в БГУ // Семейный архив Р. С. Зеневич: предоставлено для публикации историческому факультету БГУ.